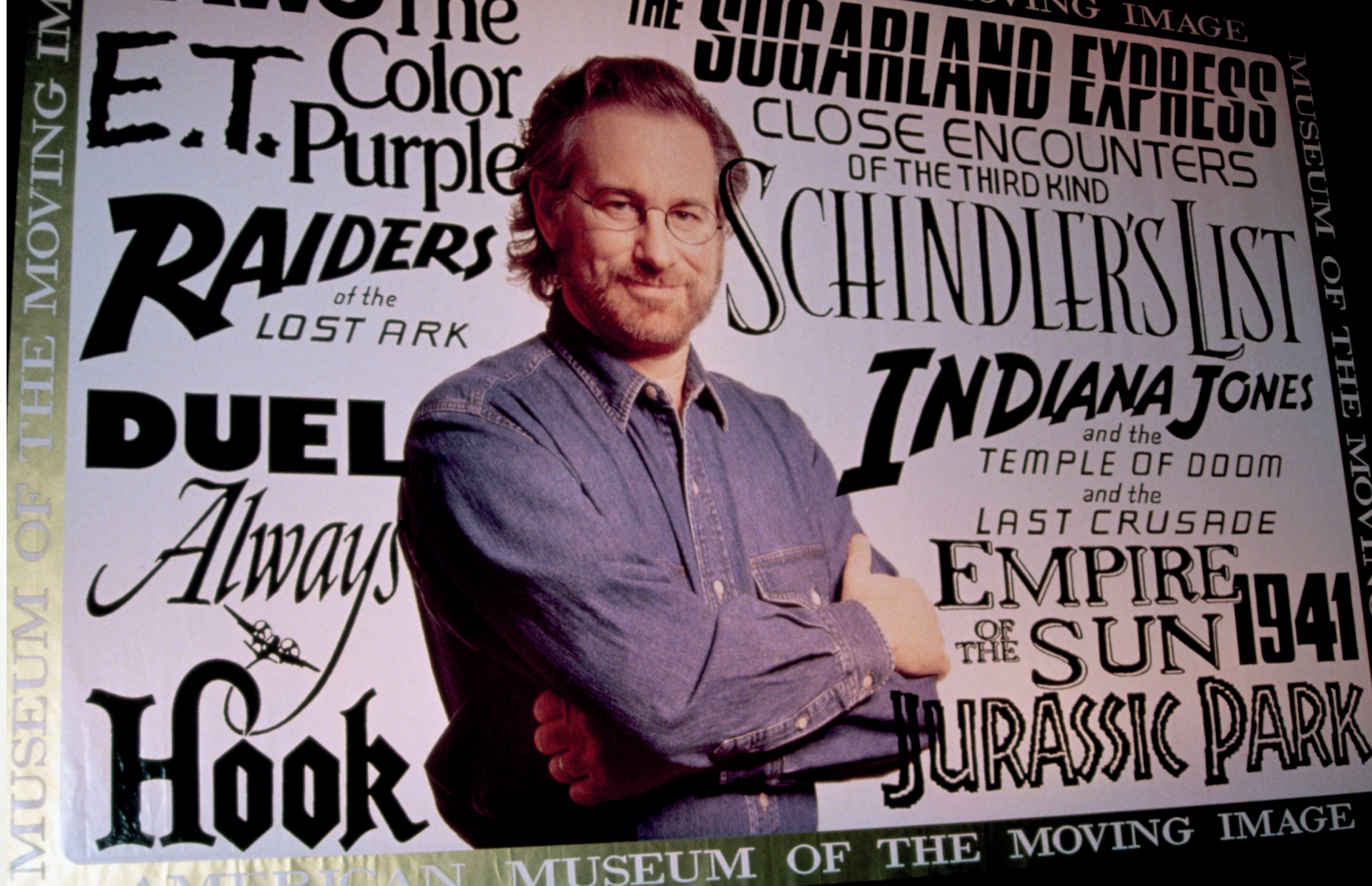

«Пожалуй, не найдется ни одного моего фильма, в котором не были бы отражены события из детства».

Содержание

6 Предисловие Стивена Спилберга

10 Новичок

24 Режиссер

26 «Дуэль»

34 «Шугарлендский экспресс»

42 «Челюсти»

54 «Близкие контакты третьей степени»

66 «1941»

74 «Индиана Джонс: В поисках утраченного ковчега»

84 «Инопланетянин»

94 «Индиана Джонс и Храм судьбы»

104 «Цветы лиловые полей»

112 «Империя Солнца»

122 «Индиана Джонс и последний крестовый поход»

130 «Всегда»

136 «Капитан Крюк»

144 «Парк Юрского периода»

154 «Список Шиндлера»

164 «Парк Юрского периода 2: Затерянный мир»

172 «Амистад»

180 «Спасти рядового Райана»

192 «Искусственный разум»

200 «Особое мнение»

208 «Поймай меня, если сможешь»

216 «Терминал»

224 «Война миров»

232 «Мюнхен»

240 «Индиана Джонс и Королевство хрустального черепа»

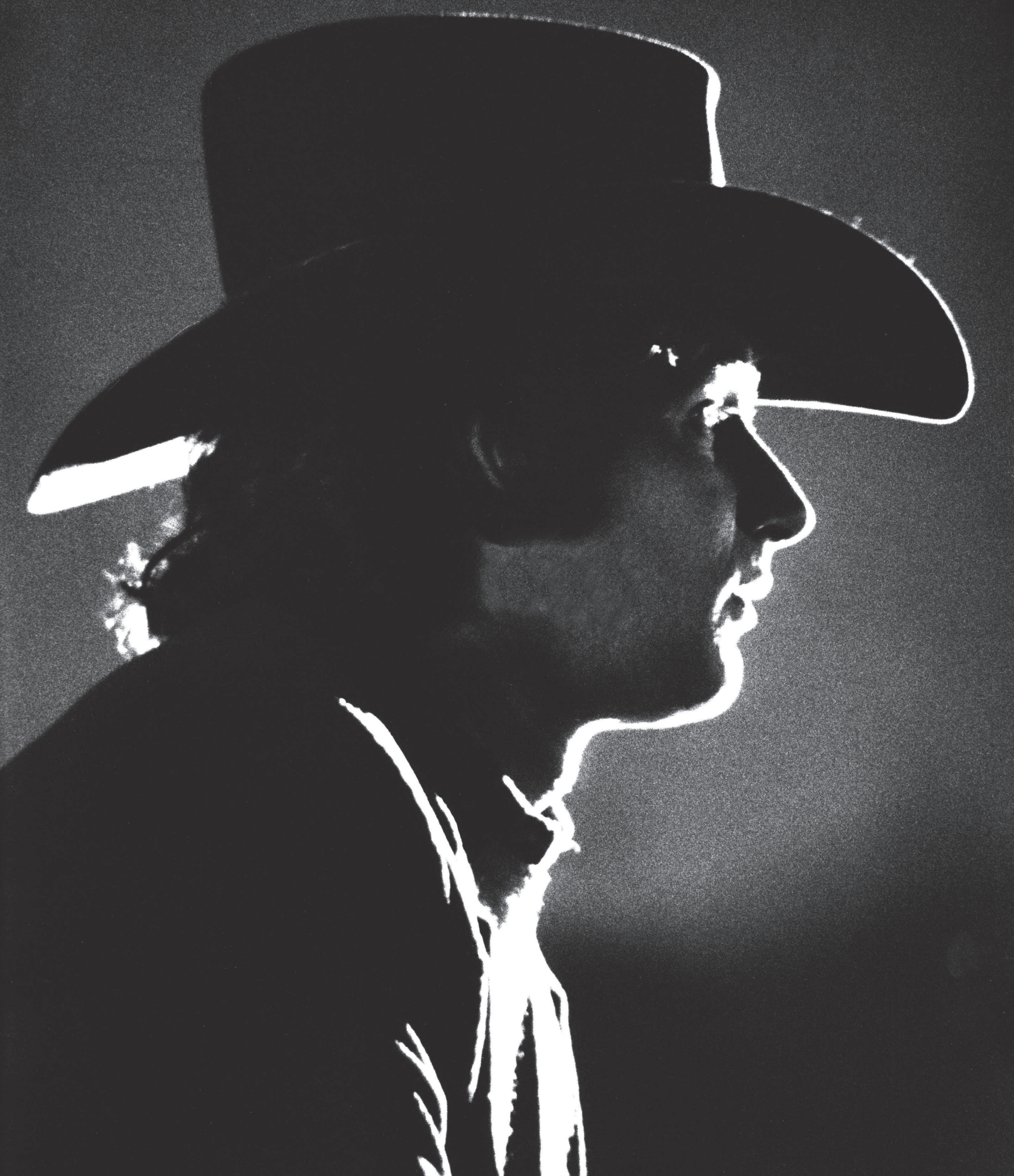
248 «Приключения Тинтина: Тайна Единорога»

256 «Боевой конь»

264 «Линкольн»

272 Фильмография

279 Авторские права на фотографии. Источники и благодарности

Предисловие

Эта книга не имеет ничего общего с двумя вещами: это не полномасштабная биография и не замаскированная автобиография. Однако она содержит выдержки из нескольких интервью, которые взял у меня Ричард Шикель за годы нашего знакомства. В них я рассказывал о создаваемых мною фильмах, которые ныне складываются в мой творческий путь, начатый, к слову, с нескольких телешоу на студии Universal в 1969 году.

Мне повезло добиться коммерческого успеха и получить определенное количество одобрения от критиков. Я снимал фильмы, которыми гордился, а те, что оказались не такими впечатляющими, как я задумывал, не отвлекали меня надолго. Что важнее – гораздо важнее, – я прожил необыкновенно счастливую жизнь. Занимался любимым делом – снимал кино (двадцать восемь фильмов, которые вошли в эту книгу, были сняты за сорок лет), а кроме того, получил истинный подарок судьбы – любящую семью.

О семье в этой книге сказано мало. Мы с Ричардом обсуждали главным образом созданные мной фильмы (а также те, которые я по тем или иным причинам решил не снимать), и, думаю, так и должно быть. Ричард согласен со мной в том, что если известный общественный деятель и должен что-то своей аудитории, так это вынести на суд людей результаты своей работы – в моем случае фильмы – и узнать, одобряют ли их зрители. Как знать, вдруг им станет интересно, почему я поступал тем или иным образом на протяжении своего творческого пути, продолжительность которого уже начинает меня удивлять. Я допускаю, что однажды напишу мемуары, но вряд ли это случится в ближайшем будущем. Мне нравится создавать фильмы, и неважно, сам я выступаю режиссером или продюсирую работы молодых коллег, чьи картины интересны мне и, на мой взгляд, будут интересны широкой аудитории. Я могу честно признать, что и сегодня всем сердцем предан кинематографу так же, как это было в старшей школе, когда я впервые стал снимать любительские фильмы.

Думаю, моя преданность делу стала даже сильнее, ведь техничность и амбициозность моих проектов неизбежным образом возросли. Мне по-прежнему нравится снимать фильмы вроде «Индианы Джонса» и «Парка Юрского периода». Они более сложные в плане режиссуры, чем может показаться на первый взгляд. Их приятно создавать и, судя по всему, приятно смотреть. Но я чувствую, что со времен фильма «Цветы лиловые полей» меня все сильнее тянет к более мрачному материалу. Когда стареешь, естественно, хочется обратиться к более серьезным сюжетам, чем те, в которых фигурируют, скажем, огромные акулы или еще более огромные динозавры.

Это не значит, что я отказываюсь от своих фильмов, даже если теперь понимаю, что мог бы снять их лучше. Порой мы неким извращенным образом любим свои поражения ничуть не меньше, чем успехи, ведь на них мы учимся большему, чем на своих победах.

Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов удачу, а мне часто везло – начиная с наставников, которых мне посчастливилось заполучить в самом начале карьеры. Мне трудно выразить словами благодарность Сиду Шейнбергу, Лью Вассерману и Ричарду

Зануку, которые увидели во мне то, чего я и сам в полной мере не видел. Мне повезло еще и потому, что не пришлось долго учиться. Мне едва перевалило за двадцать, как я уже снимал телепередачи на студии Universal, а в двадцать четыре стал режиссером фильма «Дуэль», изначально предназначенного для телевидения, но впоследствии кое-где показанного на большом экране. Через четыре года мы снимали «Челюсти» и были просто истерзаны условиями, которые накладывают съемки на воде, не говоря уже о том, что механическая акула отказывалась вести себя как надо. И когда почти все хотели прекратить съемки или, как минимум, уволить режиссера, именно Шейнберг вступился за меня. Когда мы с Сидом впервые заговорили о моей работе на Universal, он сказал, что будет рядом и в хорошие времена, и в плохие, и сдержал слово. Картину закончили (правда, с опозданием), и она имела успех. Я всегда буду испытывать к ней смешанные чувства, поскольку работать над ней было трудно и страшно. Но я даже не сомневаюсь, что именно благосклонность Сида в те трудные времена позволила мне сохранить место режиссера, когда во мне сильно сомневались.

Так что да, удача. А еще – чутье, чтобы избегать определенных опасностей и не упускать возможности. И достаточно знаний, чтобы приемлемо разбираться в том, чем я занимался, и понимать, что разочарования неизбежны и не стоит ныть по этому поводу.

Надеюсь, эта книга тоже принесет мне удачу. Я еще никогда не участвовал в создании книги о самом себе. Но автор этой – мой друг и временами коллега; нам просто общаться, и он никогда не строит из себя авторитет, а я уважаю его мнение. В своем повествовании он просто зафиксировал кое-какие мои размышления о работе, которой я так долго занимаюсь. Конечно, это далеко не все из них, но, думаю, того, что вошло в книгу, будет достаточно заинтересованному читателю, желающему получить представление о том, как я подхожу к работе и какое удовольствие неизменно получаю от нее. Хотя близится время уходить на пенсию, мне хотелось бы работать вечно, ведь помимо прочего кинорежиссура для меня – и глубочайшая страсть, и величайшее удовольствие.

«Когда я понял, что могу сделать собственную жизнь лучше благодаря пленке, допотопной восьмимиллиметровой пленке, я так гордился своей жизнью, собой, да и вообще, знаете, возможностью показать другим, на что способна камера».

Семнадцатилетний Спилберг на съемках фильма «Пламя страсти», во время подготовки ракеты к старту.

Новичок

Однажды, когда Стивену Спилбергу было около восемнадцати, он проводил летние каникулы у родственников в Канога-парке и решил съездить на экскурсию на Universal Studios. В то время посетителей возили по студии на автобусах, а на полпути делали санитарную остановку, которой и воспользовался будущий кинематографист. Он спрятался в одной из туалетных кабинок и дождался, пока люди из его группы вернутся в автобус. Через полчаса, когда все уехали, он выбрался наружу, чтобы беспрепятственно побродить по студии.

Было ли это спонтанным поступком? А может, тщательно спланированным побегом в собственное будущее? Судя по всему, второе. На протяжении дальнейшего творческого пути Стивен Спилберг едва ли проявил себя импульсивным человеком; он вынашивал идеи большинства наиболее важных фильмов десятилетиями, а то и дольше. Но в сущности это не имеет значения. «Я долго пробыл на Universal Studios. Понятия не имел, как вернуться домой, и все же целый день просто бродил туда-сюда – заглядывал в павильоны звукозаписи, монтажные. Сам себе устроил экскурсию и потрясающе провел время».

Однако пришло время заканчивать осмотр, а Стивен не представлял, как вернуться в Канога-парк. Надо было позвонить. По счастливой случайности он обратился к человеку по имени Чак Сильверс, главе киноархива, который выслушал его, посмеялся, оценив дерзость, но, что самое важное, выписал пропуск на три дня, которому паренек нашел прекрасное применение. Впрочем, по окончании срока действия пропуска Стивен оказался предоставлен сам себе. Тогда он решил посмотреть, получится ли прорваться на одной только решимости. Облачившись в свой лучший костюм для бар-мицвы (в то время люди еще надевали все лучшее для работы на студии), помахав недействительным пропуском перед носом Скотти – вечно улыбающегося охранника у главного входа, он прогулочным шагом зашел на студию и беспрепятственно продолжал приходить все оставшееся лето. И следующим летом тоже.

Его никогда не останавливали. На студии всегда мельтешат люди, спешащие по каким-то делам, и им никто не задает вопросов. Главное – выглядеть сосредоточенным. И никогда не оглядываться. Сравнительно быстро у всех сложилось впечатление, что Спилберг кем-то здесь работал, хотя никто и никогда не интересовался, кем именно.

Спилберг и сам не представлял. «В те дни я никогда особенно не задумывался, как именно снимается кино», – вспоминает он. Возможно ли это? Думаю, да. Определенно, это более вероятно, чем предположение, что он стал неким

«Я давно придумал сюжет про своих родителей, но пока мне не хватает храбрости взяться за него. Я собираюсь сделать это когда-нибудь. Это сложно, ведь мне придется взять очень личные события из жизни мамы и папы, трех моих сестер и моей собственной и рассказать о них всему миру. Прежде чем снять этот фильм, придется навестить волшебника из страны Оз и попросить у него немножко храбрости».

«открытием» – эта легенда о наивном юноше, который случайно совершает что-то более-менее примечательное, преодолевает кордоны студии и становится звездой, уже сто раз использовался в книгах, спектаклях и фильмах.

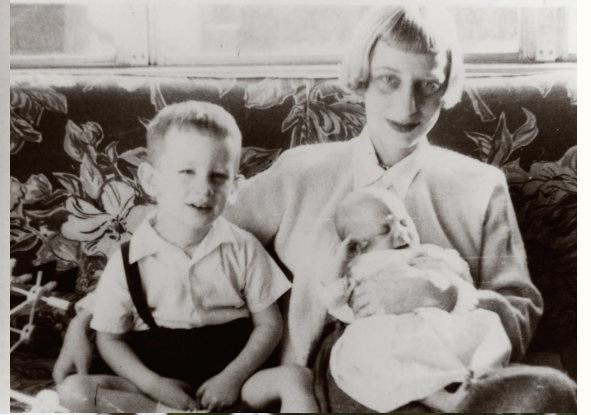
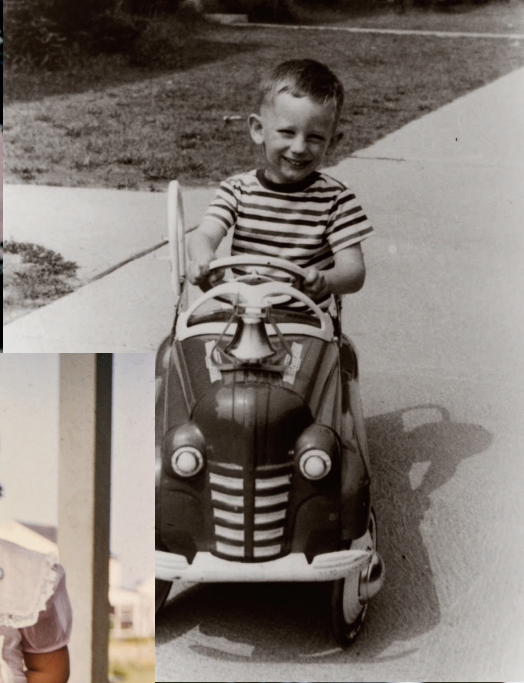
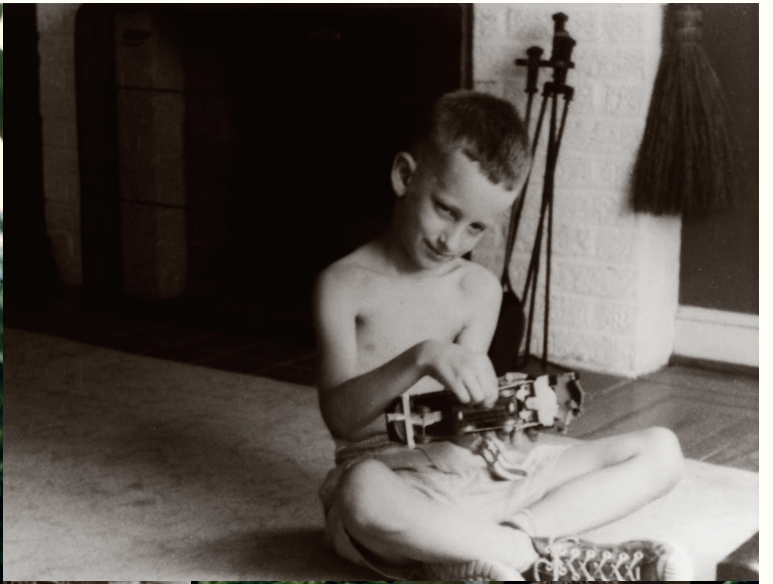
В любом случае, лучше всего Спилберга знали в неприметных уголках студии – там, где вкалывали редакторы, редакторы звука и звукооператоры. Однажды главный редактор Ричард Белдинг спросил, не хотел бы Стивен помочь им по-настоящему. Спилберг, разумеется, хотел. Ему было сказано: хорошо, тогда иди в комнату 205 (или вроде того) и принеси мувиолу. Просто скажи тому, кто с ней работает, что аппарат нужен в другом месте. Он отправился куда ему велели и, несмотря на недовольство мощного, потного, по пояс голого мужчины, выдернул аппарат для монтажа из сети и покатил к выходу. Раздалась крики, завязалась борьба – вероятно, незначительная, – после чего мальчишка поспешно отступил к хохочущим студийным работникам низшего звена. Он не признал в разгневанном человеке за мувиолой Марлона Брандо, который засел в монтажной на время контракта с Universal и работал над материалом, отснятым на шестнадцатимиллиметровую пленку во время его ретрита на Таити. Так случилось, что Спилберг никогда больше с ним не встречался, хотя однажды, много лет спустя, они недолго поговорили по телефону.

По факту – как бы малоубедительно это ни звучало – в то время Спилберг был инсайдером. А это куда лучше, чем наблюдать за жизнью студии со стороны. Что важнее, он учился вести себя как (полу)профессионал: изучал местный жаргон, так или иначе узнавал, как работает студия, как рутина идет на пользу эффективности, а иногда угрожает проявлениям творчества. Он никогда не восставал против авторитетов – он и сам уже давно один из главных авторитетов в Голливуде. И еще два момента: он беззаветно полюбил студию Universal – там до сих пор сохранился его офис; и какие бы сомнения он ни испытывал насчет своего карьерного пути, к тому моменту, когда его неофициальным отношениям со студией пришел конец, он уже определился. Он станет режиссером.

Семья Спилбергов, примерно 1951 год. Слева направо: сестра Энн, отец Арнольд, Стивен и его мама Лея. Позже у Арнольда и Леи родились еще две дочери – Сью и Нэнси. В середине 1960-х пара разведется.

Напротив и на обратной стороне листа: Фото из семейного альбома. Многие детские воспоминания и впечатления впоследствии окажут значительное влияние на фильмы Спилберга.

«Я протестовал против фортепианной музыки, потому что не понимал ее. Мама исполняла классику, а ребенку эта музыка казалась особенно жуткой – как звуки скрипки в “Психо”, будто по доске проводили ногтями – я кричал как резаный, и мама никак не могла меня успокоить».

Впрочем, он всегда им был, признавал он это или нет. Задолго до того, как ощутил власть, которую дарит эта должность.

ПЕРВЫЙ ФИЛЬМ ОН ПОСМОТРЕЛ в пять лет – отец привел его на «Величайшее шоу мира» Сесила Б. ДеМилля в Цинциннати. Можно сказать, это была любовь с первого взгляда: Спилберг сразу стал фанатом кино, а вскоре начал ускользать из-под родительского контроля. К двенадцати-тринадцати годам он завладел отцовской восьмимиллиметровой камерой Kodak и стал снимать собственные фильмы, которые не отличались скромностью. Продолжительность одного из них – «Пламя страсти» – составляла два с половиной часа. На съемки немого фильма (с добавленным впоследствии саундтреком) ушел год. По словам самого Спилберга, то был один из четырех его худших фильмов, но на самом деле, учитывая возраст и неопытность сценариста, выступившего также режиссером, он был не так уж плох. Спилберг организовал премьерный показ в местном театре – даже без лимузинов не обошлось.

В те дни семья Спилбергов много переезжала. Им довелось жить в полудюжине американских городов, поскольку отец семейства Арнольд работал компьютерным инженером и все хотел найти работу получше (мать Спилберга, Лея, была пианисткой, а позже стала владелицей ресторана на бульваре Пико в Лос-Анджелесе).

Стивен постоянно был новеньким в классе, и такое положение его не радовало. Кроме того, отношения в семье складывались непросто. Стивен любил их всех (у него было три сестры, все младшие), но в конце концов родители развелись, и это событие его травмировало: время, когда он учился жить без отца в доме, Стивен называет самым трудным периодом юности.

Проблемой для него был контроль – точнее, его отсутствие. Как и для большинства детей, которым приходится по непонятным причинам делать то, чего требуют родители, – менять города, дома, школы. Спилберг

вспоминает, что в некоторых школах долгое время провел без друзей, а когда наконец смог завести их, пришлось резко все бросить и переехать. Он также помнит слабый, но ощутимый антисемитизм. Лишь в некоторые моменты он был счастлив – когда снимал кино.

«Меня очаровывал контроль, который давали фильмы, то, как можно было запечатлеть последовательность событий – например, столкновение двух поездов модели Lionel, а потом пересматривать эти кадры снова и снова. Думаю, так я осознал, что могу менять свое восприятие действительности с помощью определенной техники, могу сделать его лучше. И я хотел узнать, влияет ли то, что я делаю, на других», – добавляет он.

От чего Спилберг был не в восторге, так это от колледжа. Пытаясь «внедриться» на студию Universal, он заодно поступил в колледж Лонг-Бич в Калифорнии (по-видимому, он учился недостаточно хорошо, чтобы поступить в хорошую киношколу – Южно-Калифорнийский университет или Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, где ему, конечно, было самое место). За неимением лучшего в качестве специализации он выбрал английский, хотя в ту пору не так много читал. На тот момент в колледже не было ни единого курса, связанного с кино, но Спилберга это не остановило. Он смог наскрести денег на полудюжину коротких фильмов, которые снимал в свободное время, хотя, пожалуй, в его случае лучше рассматривать высшее образование как работу на неполную ставку.

К фильмам, созданным в тот период, относится «Столкновение» («Encounter») – фильм о наемном убийце без пистолета, которому приходится обходиться в своем деле ножом, и, пожалуй, более многообещающий «Воздушный поток» – лента о погоне на велосипедах, снятая в Пало-Верде, на роль в котором Спилбергу удалось заполучить Тони Билла. Увы, деньги закончились до того, как фильм был завершен. К тому моменту Стивен «не видел никакого смысла» в колледже, но война во Вьетнаме была в самом

«Думаю, все дети знают, каково это – снимать кино. Родители дарят им на день рождения фигурки персонажей, солдатиков, человечков – а когда я был ребенком, были еще и ковбои, – и вот ребенок лежит на животе на лохматом ковре, подносит фигурку прямо к глазам, так, что она кажется совсем настоящей, рассматривает этого солдатика, другой рукой берет другого, держит на расстоянии вытянутой руки... и бах, бах, бах, бах! Так и возникает кино. Все мы начинаем как режиссеры. Думаю, мы никогда из этого не вырастаем».

*Режиссер «Пламени страсти»
забирает восьмимиллиметровую
камеру отца.*

